

А. И. ФУРСОВ

Исследования современного миропорядка

Дорогой
Игорь Михайлович!
Дорогие коллеги!

Тема моего выступления обозначена как «Исследования современного миропорядка». Это очень широкая формулировка — как сочинение на свободную тему, поэтому я ограничусь несколькими вопросами.

I

Первый вопрос: соответствует ли современная дисциплинарная сетка общественных наук о мире, в центре которой «триада» «экономика — социология — политология» — современному миру?

Каждая дисциплина существует в том случае, если у нее есть некий базовый объект, который не изучается другими дисциплинами. Для экономики — это рынок, для социологии — это главным образом гражданское общество, для политологии — это политика и государство.

Нынешний мир демонстрирует торжество рынка, и с этой точки зрения с экономической наукой вроде бы все в порядке, хотя она едва ли способна предсказать обрушение мировой рыночной системы, но это отдельная тема. Хуже обстоит дело с базовыми объектами социологии (гражданское общество) и политологии (политика и государство).

На Западе уже несколько десятилетий пишут об ослаблении, проржавении, растаивании государства. В современном мире оно перестало быть единственным агентом. Помимо него существуют мощные силы надгосударственного (глобального) уровня, сокращающие его жизненное пространство и отбирающие у него его традиционные функции. Эти силы — глобальный финансовый рынок, не контролируемый государст-

вом, структуры типа Евросоюза, транснациональные корпорации, региональные объединения («регион-эко-

номики»), структуры мировой криминальной экономики и т. д.

Что касается политики, то эта сфера тоже «усыхает» в качестве публичной сферы (недаром появляются исследования с названиями типа «смерть публичного человека», «конец *homo politicus*» и т. д. Политические партии превращаются в административные машины. Анализ всех этих изменений, которые уже миновали точку возврата и являются не отклонением, а новой формирующейся нормой, требует принципиально новой науки (дисциплины) о власти. В этой науке политология станет лишь частным «случаем» для изучения политической формы организации власти, характерной для относительно короткого периода истории капитализма.

Невесело обстоят дела у «гражданского общества» — как реальности и как базовой единицы исследования. Его зона сужается, оно все больше превращается в функцию административных систем на самом Западе; вне Запада, как известно, гражданского общества либо традиционно не было — эту нишу занимали общинные и клановые структуры различного масштаба, от микро- до мега-уровня, либо оно было слабым и сегодня, в эпоху глобализации, еще более слабеет. Аналогичным образом социология как дисциплина о *Gesellschaft* должна стать частным случаем новой науки о социальных системах, в которой *Gesellschaft* займет скромное место среди многочисленных стадийных форм *Gemeinwesen*: докапиталистических, антикапиталистических и послекapиталистических. Надо перестать смотреть на мир в целом сквозь призму дисциплин, отражаю-

щих реальность одной-единственной социальной системы, причем взятой в ее зрелом состоянии, грубо говоря — между 1840-ми и 1970-ми годами. Реальности этой эпохи в развитии капитализма тримодальная (экономика, социология, политология) сетка дисциплин отражала довольно неплохо, хотя было три прокола. Три феномена, возникшие в первой половине XX века, она не смогла ни предсказать, ни объяснить. Речь идет о трех Колоссах Паники XX века: о коммунизме (интернационал-социализме), фашизме (национал-социализме) и национально-освободительном движении (национал-либерализме).

К 1945 году капиталистическая система стабилизировалась, у нее появился гегемон — США, она вступила в период процветания и роста («повышательная волна» — 1945–1968/73 гг. — кондратьевский цикл). Неприятные и плохо объяснимые социальные проблемы социальной реальности были вытеснены в сферу психологии, иррационального и т. д. В течение четверти века тримодальная структура наслаждалась тем состоянием, которое Томас Кун назвал «нормальной наукой» и для которого нет тайн — только загадки.

Но прошла еще четверть века, и конвенциональная наука с ее теориями, методами и понятийным аппаратом оказалась в весьма плачевном состоянии. Три события, если не обрушили, то подорвали тримодальную конструкцию: мировые студенческие волнения 1968 года, приход в 1979 году к власти фундаменталистов в Великобритании и Иране (соответственно рыночных и исламских) и крушение советского коммунизма (антисистемного капитализма). Ко всем этим событиям сложившаяся между 1850-ми и 1950-ми годами социальная наука оказалась не готова. Результат — детеоретизация (а порой — деинтеллектуализация) мирового обществоведения с 1990-х годов, подстегиваемое постмодернизмом акцентирование эмпирических исследований *case studies*, широкое распространение схем вроде фукуямовского «конца истории» или хантингтоновско-

го «столкновения цивилизаций», призванных отвлечь внимание от реальных проблем и противоречий современного мира.

II

Главным из трех указанных событий были конечно же крушение советского коммунизма и распад СССР. Одна из задач новой науки об обществе — и это наш **второй вопрос** — понять и советский феномен, и причины его упадка. Без объяснения этого ключевого момента мы не поймем современный миропорядок и не сможем прогнозировать его развитие.

Сложность анализа гибели советского коммунизма заключается в том, что это было крайне сложное, многомерное, каскадное событие, в котором преломились и органически соединились одновременно три различных системных уровня.

С точки зрения русской истории это было крушение одной третьей структуры ее власти (или второй системы). С мировой точки зрения то был крах системного антикапитализма, мировой антикапиталистической системы, Большого Левого Проекта Модерна, стартовавшего с якобинской диктатурой. С точки зрения эпохи глобализации (а следовательно, и такой дисциплины, как глобалистика) крушение СССР было первой катастрофой возникающего глобального мира, а в чем-то и условием дальнейшего развития этого процесса в его нынешнем виде.

СССР стал первой жертвой глобализации, «глобального финансового Франкенштейна», как назвал его М. Уокер. Во второй половине 1980-х годов две страны — США и СССР — зависли над пропастью, попав в тяжелейший социально-экономический структурный кризис. Мы были слишком заняты нашей перестройкой, критиковали свои проблемы и упустили из виду проблемы главного противника. А они были не менее серьезными, чем наши.

В 1986 году произошел обвал на Нью-Йоркской бирже, в сентябре 1987 года английский «*Economist*» известил мир: если в 1981 году мир должен был США 141 млрд долл., то

в 1986 году уже США должны были миру почти вдвое больше — 246 млрд долл. и стали крупнейшим в мире должником. То была цена рейганомики и в еще большей степени — при всей неолиберальной риторике — «военного кейнсианства» Штатов (как верно в самом начале 1980-х годов заметил В. В. Крылов, капитализм уже не сможет одновременно «гнать вооружение» и умиротворять своих трудящихся), призванного подорвать, «сварить» СССР в гонке вооружений или обеспечить такое военное превосходство, которое позволит решить «русский вопрос» военным путем и окончательно.

Америка пошла ва-банк — ее могло спасти только максимальное ослабление/разрушение СССР тем или иным способом, извне (война) или изнутри, *explosion or (and) implosion*. Но это должно было произойти очень быстро. Счет (для США) шел на месяцы. Во второй половине 1987 года крупнейшие американские банки впервые с начала 1930-х годов объявили о квартальных убытках. 19 октября 1987 года рухнул Уолл-стрит, дав старт новому мировому экономическому кризису; индекс Доу-Джонса упал на 508 пунктов (то есть на 23,4%) — самое крупное в истории падение за один день. Через несколько недель после этого «*Wall Street Journal*» сообщил, что рынок США был на грани крушения. Краха удалось избежать только потому, что Алан Гринспен, новый глава Федерального банка, реализовал рекомендации секретного исследования о том, как избежать катастрофы, проведенного им еще во время своего назначения. Однако Гринспен был способен только отсрочить катастрофу, но не отвести ее вообще. Отвести ее могло только чудо.

И оно явилось под именем «Горбачев». 8 декабря 1987 года начались беспрецедентные советские уступки Америке в области оборонной и внешней политики. 2–3 декабря 1989 года на «мальтийской встрече» Горбачев, по сути, сдал Восточную Европу (а вместе с ней — статус СССР как сверхдержавы), а в 1990 году — Германию. СССР капитули-

ровал в холодной войне, США были спасены. А ведь Горбачеву не надо было даже предпринимать активных действий против США, надо было, проявив выдержку, ждать, не делая шагов навстречу, и лишь наблюдать, как ломается американский хребет под грузом «военного кейнсианства» Рейгана. Однако Горбачев и советское руководство в целом оказались неадекватны новой эпохе, феномену глобализации, который возник как в значительной степени побочный продукт холодной войны.

У нас привыкли объяснять возникновение глобализации научно-технической революцией (НТР), которая технически создала условия для освобождения капитала от любых материальных и локальных ограничений, то есть превратила его из феномена мирового уровня в глобальный. Глобализация — это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных (то есть «нематериальных») факторов над вещественными («материальными») капиталом, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня — пространственных, материальных, социальных. Это победа времени над пространством. И естественно, тех, кто контролирует время и капитал, над теми, кто контролирует пространство и государственную власть.

Сама НТР была результатом острой борьбы, с одной стороны, между СССР и США, с другой — между США и другими центрами капиталистической системы — Японией и Западной Европой (прежде всего ФРГ), которые в 1970-е — 1980-е годы уже не просто наступали США на пятки, но по многим показателям вырвались вперед. Но почему же разгромленные в 1945 году Япония и Германия спустя всего лишь 30 лет смогли сделать такой рывок? Ответ прост — холодная война. Во-первых, чтобы противостоять СССР в Европе и СССР и КНР — в Азии, американцы интенсивно вкладывали средства в свои протектораты — ФРГ и Японию, способствуя их экономическому подъему, а следовательно —

конкурентной силе, которую они набрали в начале 1970-х годов (что и было зафиксировано фактом создания в 1973 году «Трехсторонней комиссии»: США — Япония — Западная Европа). Во-вторых, во второй половине 1950-х годов СССР начал активно продавать нефть на мировом рынке по относительно низким ценам. Цель — дестабилизировать «реакционные арабские режимы», зависящие от экспорта нефти. Два режима действительно удалось дестабилизировать (Ирак, 1958 г.; Ливия, 1969 г.) и к власти там пришли антиимпериалистические силы. В то же время произошло удешевление нефти, в результате чего Япония и ФРГ всего лишь за 10–15 лет резко (почти в 10 раз) увеличили долю нефти в используемых энергоносителях. Таким образом, холодная война, действия СССР и США прямо и косвенно привели к подъему Японии и ФРГ, что стимулировало внутрикапиталистическую конкуренцию (отсюда: НТР — глобализация — кризисы США и СССР) и укрепило капиталистическую систему в целом, подперев экономически слабеющего гегемона США экономиками Японии и ФРГ, что во многом обусловило результат холодной войны. Во многом, но не во всем, и возможно, даже не в главном.

Поскольку холодная война была главным образом войной психо-исторической, то главным театром военных действий стала сфера исторической психологии — сознания и подсознания модальных групп, то есть групп, выступающих системообразующими элементами. Это прежде всего властные группы и интеллектуалы. Запад одержал победу, по сути, точечным ударом долгосрочного действия. Суть этого удара заключалась в том, что западная верхушка и ее интеллектуалы сумели навязать небольшой, но очень активной группе советских интеллектуалов, обслуживающих верхушку («советникам вождей»), а через них и самой этой верхушке, свое видение мира, свои способы постановки вопросов и проблем. Что не менее важно, Запад смог проделать это не только с «советниками вождей», но и с тем сегментом советского общества, с той сре-

дой, которая поставляла «советников», или, как называл их Эрнст Неизвестный, «зелененьких». По сути, это была геокультурная или, если угодно, социосистемная перестройка.

Если внимательно почитать мемуары тех, кто писал речи и готовил доклады Брежневу, Андропову, Черненко и тем более Горбачеву, то они откровенно и с гордостью пишут о том, что с середины 1960-х годов, разочаровавшись в марксизме, начали постепенно внедрять у нас социологию, политологию, рыночные экономические теории. Суть, однако, в том, что любая дисциплина, любая наука сконструирована так, что служит определенным интересам. Если вы принимаете язык оппонента, противника, его понятийный аппарат и способ постановки проблем, то вы уже на полпути к поражению и окончательное поражение — это лишь вопрос времени. Перефразируя Ницше, который говорил, что если ты долго вглядываешься в бездну, то бездна начинает вглядываться в тебя, можно сказать: если ты смотришь на мир чужими глазами, то есть сквозь призму чужих структур, интересов и целей, то рано или поздно, сознательно или подсознательно ты начнешь работать на эти интересы как на свои, служить им. Нейтрального знания не бывает. Когда-то Тацит сказал: в сражении проигрывает тот, кто первым опускает глаза. Интеллектуальная обслуга советской верхушки опустила глаза в противостоянии Западу в середине 1960-х годов, двадцать лет спустя то же сделала сама верхушка, а еще через пять лет рухнул СССР: разруха в головах, чем бы и кем бы она ни была вызвана, приводит к разрухе экономической и социальной. Победы и поражения возникают в мозгу.

III

Сдача интеллектуальных позиций всегда сопровождается кризисом понимания (интересно размышляет на эту тему И. М. Ильинский в работе «XX век — кризис понимания», 2002). Наша нынешняя ситуация — это конечно же кризис понимания. Мы не пони-

маем нескольких очень важных вещей — и это **третий вопрос**, на котором я хочу остановиться.

Во-первых, мы не понимаем или плохо понимаем собственную историю, собственное развитие, особенно советскую фазу — наиболее динамичную и интересную: коммунизм был русским социальным Модерном. Это понимание тем более необходимо, что, с одной стороны, мы должны понять причины геоисторического поражения советского коммунизма и СССР; с другой — мы до сих пор живем в процессе разложения советского общества и утилизации его достижений, поэтому понять послесоветское общество без понимания советского невозможно.

Знаем ли (в смысле — понимаем ли) мы свою страну, есть ли у нас адекватный язык, понятийный аппарат для ее анализа? Сомневаюсь. В конце XX в. Ю. В. Андропов говорил, что мы не знаем страны, в которой живем. В начале XX века поэт Максимилиан Волошин писал:

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани:
Наш «пролетарий» — голытьба,
А наши «буржуа» — мещане.
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.

В начале XIX века Пушкин говорил о том, что Россия нуждается в особой формуле, то есть, выражаясь современным языком, русская история нуждается в особой, адекватной своей природе теории, а не в навязываемых ей либералами и вульгарными марксистами «прокрустовых ложах». Сегодня ситуация с самопониманием еще хуже, чем раньше, потому что в нашу науку, образование, СМИ хлынул поток западного утильсырья; в науке появился мощный компрадорский сегмент.

Во-вторых, мы плохо понимаем, как работает современный мир. Без такого понимания нечего думать не только о победах, но и о «ничейном» выживании. Надо как можно быстрее становиться в интеллектуальном плане людьми XXI века. Большевики

и нацисты победили прежде всего потому, что в своих странах первыми стали людьми XX века, выработав то, что К. Поланьи назвал «зловещим интеллектуальным превосходством» над противником. А. А. Зиновьев называл это просто «переумнить Запад».

В-третьих, мы плохо понимаем принцип, код функционирования Руси/России/СССР/РФ в мире, не соотносим логику русской и нерусских историй, русской и мировой. Наша страна в различных ее вариантах всегда была элементом более крупных систем — евразийской, а затем — мировой, функционировала в качестве их элемента. Без понимания этих систем, без сравнения России с другими элементами ее «формулу» трудно понять.

А ведь есть поразительные вещи. Ограничусь тремя. Первый пример. В истории капсистемы было три гегемона: Голландия, Великобритания и США. В русской истории пикам гегемонии этих стран соответствуют Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и советский коммунизм. Случайное совпадение структур? Конечно же нет, но адекватное понимание требует нашей версии мир-системного анализа.

Второй пример. В мировых войнах за гегемонию в капсистеме борьба разворачивалась между морскими (Великобритания, США) и континентальными (Франция, Германия) державами. Россия на «корону» гегемона капсистемы никогда не претендовала, но именно русское пространство становилось главным театром военных действий, на котором решалась судьба Наполеона, Вильгельма и Гитлера. Более того, во всех этих войнах русские сражались на стороне своего главного геосторического соперника — англосаксов. Почему?

Третий пример. Коммунистические идеи существовали со времен киников. Однако коммунизм как историческая система возник в России в качестве антикапитализма. Выражаясь марксистским языком, не было коммунизма — антирабовладения или антифеодализма. Только антикапитализм, то

есть капитализм со знаком «минус». Выходит, капитализм — странная, просто уникальная система: в отличие от всех других систем он может существовать и со знаком «плюс», и со знаком «минус», причем «минусовую» зону заполнила Россия, решившая таким образом в начале XX века свои насущные проблемы — очищение власти от собственности. Таким образом, и здесь мы видим включенность России в мировой процесс (еще один пример — СССР и глобализация), которая должна получить теоретическое объяснение.

IV

В своем выступлении я остановился на нескольких вопросах развития современного миропорядка, изучению которого уделяют значительное внимание в МосГУ. Я контактирую с МосГУ в течение почти пяти лет в качестве сначала участника заседаний, а затем члена Русского интеллектуального клуба. Пригласил меня сюда Александр Александрович Зиновьев, который тогда бы президентом клуба. Меня радует, что в МосГУ занимаются теми проблемами, о важности изучения которых я говорил. Мне особенно приятно, что по этим проблемам много и плодотворно пишет ректор МосГУ, наш сегодняшний юбиляр Игорь Михайлович Ильинский. В сфере его интересов — методология социального знания и проблемы образования, глобалистика и международные отношения, феномен терроризма и многое другое. Например, две книги, которые лежат у нас на столах. Они изданы в 2006 году. Это — «Главный противник» и «Между Будущим и Прошлым».

«Главный противник» — интереснейший сборник документов американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг., то есть начальной фазы холодной войны. Этой великолепной подборке документов предпослана серьезная и очень четкая и недвусмысленная по своей гражданской и патриотической позиции вступительная статья.

«Между Будущим и Прошлым» — сборник социально-философских статей необычайно широкой тематики. В частности, целая глава посвящена проблемам глобалистики.

В свое время великого русского шахматиста Алехина спросили: шахматы — это спорт или искусство? Единственный ушедший непобежденным чемпион мира дал очень простой и в то же время очень русский ответ: шахматы — это борьба. Сегодня одной из главных сфер мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы становится образование. Битву за XXI век выиграет тот, кто выиграет битву за новую науку, новое образование, кто создаст «фабрики мысли», адекватные новой эпохе. Кстати, эта тематика получила отражение в работе И. М. Ильинского «Образовательная революция» (2002). В МосГУ в его нынешнем состоянии уже сейчас видны многие черты «фабрики мысли», причем авторской. Это в большой степени обусловлено тем, что МосГУ возглавляет и теоретик, и практик научной мысли, который собрал коллектив единомышленников.

Уважаемый Игорь Михайлович! Хочу пожелать Вам здоровья, новых творческих успехов, а руководимому Вами МосГУ — новых высот.

Новые книги

Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке : В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т гуманит. исследований. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 680 с.
Высшее образование для XXI века : доклады и науч. сообщения II междунар. науч. конференции. Москва, 20–22 окт. 2005 г. / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 322 с.